

АПЕЛЛЯТИВАЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В ТУРЕЦКОМ, КУРДСКОМ И ТАЛЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

APPELLATIVE FORMS OF PROPER NAMES IN TURKISH, KURDISH AND TALYSH

*O. Sarigoz
A. Pobedonostseva Kaya
I. Abilov*

Annotation

In this work the comparative analysis of morphological peculiarities of Turkish, Kurdish and Talysh appellative forms expressed by own names are performed. This work attempts to establish and describe appellatives as an independent category. For the first time the concepts of "vocative", "vocative", "appellative", "appeal" are applied to the proper names in the three above-named languages. An analysis of new affixes of the Turkish language is carried out through the prism of the theory of substrata borrowings, presumably, from the Kurdish language. The category of the mentioned case, which is absent in the Turkish language, is defined as a neoplasm and is analyzed in comparison with the similar phenomenon in the Kurdish and Talysh languages, the ways of its expression, morphological similarities and differences in education are also described. The paper will consider the form of proper names, which fulfill the function of an appellative, to reveal a number of features that are not fixed in the grammars of the three languages. The collected material and the results of the morphological analysis can be used in the preparation of textbooks on these languages and in the practice of ethnolinguistic research.

Keywords: appellative, address, appellative category, vocative case, vocative, Turkish, Kurdish, Talyshi.

*Сарыгёз Ольга Владимировна
Ст. преподаватель,*

*Белорусский Государственный
Экономический университет*

*Победоносцева Кая Анжелика Олеговна
К.и.н., Санкт-Петербургский*

государственный университет

Абилов Игбал Шахин оглы

*Талышская Национальная
Академия, Литва*

Аннотация

В данной работе проведен сопоставительный анализ морфологических особенностей турецких, курдских и талышских обращений (апеллятивов), выраженных именами собственными. Предпринята попытка установления и описания апеллятивов как самостоятельной категории. Впервые понятия "звательный падеж", "вокатив", "апеллятив", "апеллятивация" применены к именам собственным в трех вышеназванных языках. Проводится анализ новых аффиксов турецкого языка через призму теории субстратов, заимствованных, предположительно, из курдского языка. Категория звательного падежа, отсутствующая в турецком языке, определяется как новообразование и анализируется в сопоставлении с аналогичным явлением в курдском и талышском языках, описываются способы его выражения, морфологические сходства и различия в образовании. В работе будет рассмотрена форма имен собственных, выполняющих функцию апеллятива, выявлению ряда особенностей, не зафиксированных в грамматиках трех языков. Собранный материал и результаты морфологического анализа могут быть использованы при подготовке учебных пособий по данным языкам и в практике этнолингвистических исследований.

Ключевые слова:

Апеллятив, обращение, категория апеллятивности, звательный падеж, вокатив, турецкий язык, курдский язык, талышский язык.

Определенное общество может быть охарактеризовано с точки зрения коммуникационных процессов. Подчиняясь общепринятым этическим и социокультурным нормам, свойственным конкретным обществам, тем не менее, они все-таки обладают универсальными чертами и развиваются по схожим правилам.

Система обращений, как один из основных элементов коммуникации, представляет сложную парадигму. Обращения, – апеллятивы и апеллятивные формы, – не только называют адресата речи, но и являются индикатором межличностных отношений, обозначая типовое относительное положение адресанта и адресата относительно

друг друга и социальной группы в целом. То есть обращение отражает ролевые функции коммуникантов, выражая равенство или неравенство общественного положения участников речи, соотношение их возраста, пола, степень их знакомства, что доказывает зависимость выбора обращения от сферы общения коммуникантов: от подчеркнуто официальной до фамильярной, интимной.

Предметом анализа в данной статье является принимаемый впервые морфологический анализ имен собственных, выполняющих функцию обращения (апеллятива), и систематизация их сходств и различий в турецком, курдском (диалект курманджи) и талышском (северный диалект) языках.

Основы апеллативности как категории были разработаны европейскими и отечественными лингвистами (И.С. Андреева [1971], К. Бюлер [1993], А.В. Бондарко [1978], Е. Отто [1954], А.М. Пешковский [1956], Х. Пауль [1960], Е.И. Шендельс [1998], А.П. Володина [1974], Д. Перре [2010] и др.

Мы применили сформулированные этими исследователями критерии вычленения и оценки апеллативов к исследуемым языкам.

Термин "аппеллатив" происходит из латинского языка: *appellare* – обращаться с речью, называть. В современной лингвистике существует несколько пониманий данного термина. Мы будем придерживаться определения, предложенного Р. Якобсоном: апеллативная функция соответствует получателю сообщения, на которого ориентируется говорящий, пытаясь тем или иным образом воздействовать на адресата, вызвать его реакцию. Грамматически это часто выражается повелительным наклонением глаголов, а также вокативом или звательным падежом [14, с.198–199].

Французская исследовательница Д. Перре полагает, что любая лексическая единица, употребленная в дискурсе для упоминания кого-либо, немедленно становится апеллативом [22, с.35–39]. Исходя из предложенного ею подхода, апеллатив должен быть рассмотрен как со стороны его функций, так и формы.

На функциональном уровне в трех языках была установлена и проанализирована сложная система адресации в зависимости от статуса/родственных отношений между коммуникантами. (Данный вопрос был освещен на Дмитриевских чтениях (Москва) 07.10.2016. Тема выступления "Функционально-семантическая категория апеллативности в турецком, курдском и талышском языках".) Подробному описанию функциональных групп в турецком языке посвящена статья О.В. Сарыгёз [12]. Схожесть проанализированных явлений подтолкнула авторов к дальнейшему анализу.

Особенностью, которую следует отметить в отношении имен собственных в трех представленных языках, является табуирование в использовании личных имен в кругу семьи, среди близких. Тем не менее, имена собственные не исключаются полностью из коммуникации и продолжают функционировать, хотя и в процентно менее частотном соотношении.

Одни из первых своеобразных форм имен собственных в турецком языке мы встречаем в работе российского тюрколога В.А. Гордлевского: в исследовании "К вопросу личной ономастики у османов" приведены три случая: "Вместо Мехмед – Мемиш, Ибрагим – Ибиш" и имя Уркуш [4, с.131].

Подобные примеры перечислены и в работе английского тюрколога Дж.Л. Льюиса: автор наряду с уменьшительно-ласкательным аффиксом *-cik* перечисляет формы на *-i* и *-o*: *Erci* (от *Ercument*), *Neri* (от *Neriman*), *Memis/Memo* (от *Mehmet*), *Fatos/Fatıs/Fatı* (от *Fatma*), *Hasso* (от *Hasan*), *Alis* (от *Ali* и *Aliye*), *Cemo* (от *Cemal*), *Ibo* (от *Ibrahim*), подчеркивая их принадлежность больше к разговорному стилю и меньшую социальную приемлемость [20, с.58].

Турецкий исследователь Х. Эрсойлу уже выделяет словообразовательный аффикс *-o* среди других аффиксов арго, причисляя его к иностранным заимствованиям, но, к сожалению, не указывает язык, из которого он мог перейти. В работе перечислены следующие примеры: *Sulo* (от *Suleyman*), *Fato* (от *Fatma*), *Emo* (от *Emine*), *kıro* (от *kır*) [18, с.366].

Интересны описанные в статье Д. Зенгина формы имен, которые были зафиксированы в ходе анкетирования учащихся средних школ и университетов: *Mışık* (от *Mustafa*); *Atis* (от *Atilla*); *Rambo* (от *Ramazan*); *Murti* (от *Murat*); *Hamis* (от *Hamide*); *Ebus* (от *Ebru*); *Fatos* (от *Fatma*); *Neco* (от *Necdet*); *Kadis* (от *Kadriye*); *Yase* (от *Yasemin*); *Kamze* (от *Kalimero*) [25]. Как мы видим, часть имен собственных сокращена, часть – полностью изменена.

Такие формы встречаются и в литературных произведениях:

- *Deli misin, Ismail?* (Ты с ума сошел, Исмаил?)
- *...ismimi sevmiyorum. Sunu Ibis yapsak olmaz mı?* (мне имя мое не нравится. Нельзя его заменить на Ибиш?)
- *Olur. Ben de Memis olayım. Ibis'le Memis'in Maceraları.* (Хорошо. А я тогда стану Мемишем. Приключения Ибиша и Мемиша.) [19, с.21].

Авторами настоящей статьи было проведено самостоятельное анкетирование носителей турецкого, курдского (диалект курманджи) и талышского (главным образом, северного диалекта) языков, целью которого было выявление бытующих в этих языках форм апеллативов и исследование их употребления. Его результаты представлены в сводных таблицах ниже.

До настоящего времени формообразующие аффиксы *-o*, *-s*, *-is*, *-isko* не были описаны исследователями турецкой грамматики. Для установления их происхождения было принято решение проследить возможные языковые контакты носителей турецкого языка в рамках теории субстрат-суперстрат-адстрат и установить в них формы, которыми выражается категория апеллативности, одной из которых является звательный падеж. Как известно, долгие столетия одними из языков-адстратов по отношению к турецкому, языку основной массы населения Турции, были курдский и армянский языки. Мы проанализировали апеллативные формы, которые были

Таблица 1.

Формы мужских (а) и женских (б) имен собственных в турецком языке.

Основной падеж (номинатив)	Апеллятивные формы
а) Cafer Mustafa Mehmet Abdullah Necati Hüseyin Süleyman İsmail Murat	Caferim / Cafercik ¹⁾ / Caferciğim / Cafo / Cafoş / Cafoşum Mustafam / Mıstık / Musti / Mustafacığım / Mıstıkcığım Memo / Memoş / Memoşum / Mehmetcik ²⁾ / Mehmetciğim Apo / Apocuğum / Abdullahçığım Neco / Neciş / Necoş / Necoşum / Necoşcuğum Hüso / Hüsoş / Hüseyinciğim / Hüsoş / Hüsoşum Süleymancığım / Sülo / Sülom / Süloş / Süloşcuğum İsmailim / İso / İsoş / İsoşum / İsoçuğum / İsociğim ³⁾ Murti / Muro / Muratım / Muratçık / Muratçığım / Murtiş / Murtişim Все апеллятивы, кроме форм на -о, считаются неприемлемыми между малознакомыми мужчинами, т.к. приобретают уничижительную коннотацию.
б) Ayşe Elif Leyla Zeynep Fatma Neriman Defne Saadet Yasemin	Ayşecik ¹⁾ / Ayşem / Ayşo ⁴⁾ / Ayşeciğim Elif / Elifim / Eliş / Elişciğim Leylam / Leyliş / Leylaciğım / Leylam / Leyliş Zeynepim / Zeyno ⁴⁾ / Zeynepciğim / Zeynoş / Zeynoşum / Zeynoşcuğum Fatmam / Fato ⁴⁾ / Fatoş / Fatmancığım / Fatoşum / Fatoşciğim ³⁾ Nerimancığım / Nero ⁴⁾ / Nerom / Neri / Neroş / Neroşum Defneciğim / Defo ⁴⁾ / Defocuğum / Defociğim ³⁾ Sado ⁴⁾ / Sadiş / Saadetciğim / Sadocuğum Yase / Yaso ⁴⁾ / Yasoş / Yasoşum / Yaseminciğim / Yasoşcuğum
¹⁾ формы на -cik относятся к просторечному регистру, их употребление между малознакомыми людьми неприемлемо. Чаще всего используются в обращении к маленьким детям. В отношении взрослых людей может принять уничижительную коннотацию. ²⁾ форма может являться не только апеллятивом: это также прообраз солдата османской и турецкой армий. Широко используется как в разговорной речи, так и в СМИ. ³⁾ форма аффикса противоречит закону гармонии гласных. ⁴⁾ данная форма считается весьма грубой, использование ее между женщинами и по отношению к ним считается весьма невежливым. Она позволительна лишь в кругу близких людей.	

отмечены исследователями в этих языках.

Категория звательного падежа отсутствует как в турецком, так и в армянском языке. Тем не менее, в работе по диалектам Армении исследователя Л. Мсерианца (1867–1933) мы находим целый раздел, посвященный описанию звательного падежа. Автор обращает внимание на не объясняемые с помощью грамматики армянского языка формы армянских имен собственных: "звательный падеж, который имеется в таких новоперсидских языках как гиланский, талышинский, в курдском имеет форму

на -о, что составляет общее правило". Автор предполагает, что "в мушском, равно как и в мокском, ванском и т.п., формы звательного падежа должны быть объяснимы скорее всего как возникшие под курдским влиянием. По крайней мере, они преобладают именно на территории тех диалектов, на которой или живет курдское население или которая соприкасается с ним (в тифлисском диалекте таких, например, форм не существует). В мушском, как и в других диалектах, формы звательного на -о употребляются также в значении именительного" [8, с.73].

Последнее замечание объясняет существующие формы имени Сандро и Серхо в армянском языке.

Известный лингвист В.Н. Ярцева справедливо отмечает, что большинство исследователей в своих работах *"ограничивается формальным описанием избранного явления сначала в одном языке, а потом в другом, не ставя вопроса о функциональной значимости данного грамматического явления для изучаемого языка и его месте в грамматической системе языка в целом"* [цитата по: 10, с.73]. Но именно функциональная значимость и привела нас к выводам, к которым пришел когда-то Л. Мсерианц: появление форм на -о в турецком языке было обусловлено многовековыми языковыми контактами курдского и турецкого народов. Произошло заимствование на функциональном уровне: турецкий язык перенял не только сами апеллятивные формы, но и морфологический показатель курдского языка. При этом лексические заимствования нередко приобретали новую семантику, которую им приписывали сами турки. В работе другого армянского исследователя Г.

Асатрян упоминаются два заимствования из курдского языка: 1. *kuro* (от курд. *kur* – сын, мальчик), получившее у турок (в форме *k(ı)ro*) и у армян иную коннотацию – так стали называть малообразованного, плохо одетого человека (в русском – *"деревенщина"*, *"колхоз"*); 2. *lawuk* (от курд. *law* – дитя, *lawik* – молодой человек, юноша) [2, с.223] – в турецком (*lavuk*) это слово стало относиться к просторечному регистру: *"пацан"*, *"чувак"* [15, с.239]. Примечательно, что первое из двух слов было перешло в турецкий язык в форме звательного падежа – произошло функционально-семантическое заимствование.

Культурно-историческое влияние трех народов нашло свое отражение и в литературных произведениях. Армянский писатель М. Маргосян в своем сборнике новелл *"Квартал гявуров"* описывает жителей исторического района Сур города Диярбакыра, в котором в середине

Таблица 2.

Образование звательного падежа (в том числе для имен нарицательных).

	Курдский язык	Тальшский язык
ед.ч. муж.р.	-о Xwedê - Xwedêo! (Боже!) kur - kuro (сын, мальчик) [5, с.57-59]. Hiş be, kuro (Успокойся, парень!) 'Elo, were! (Али, иди сюда!)	Ha ... + -а Хыдо - Ha Хыдоа! ([эй,] Боже!) Зоэ - Ha зоэа! ([эй,] мальчик; сынок!) Ha Əlia, njo bo! ([эй,] Али, иди сюда!) -(ы)м + -а -(ы)м - аффикс принадлежности 1-го л. ед.ч.
ед.ч. жен.р.	-ê keç - keçê (девочка; девушка) Were, keçê! (Девушка, иди сюда!) Fatê, çay çêke. (Фатима, сделай чай)	(Ha) Хыдома! (Боже мой!) (Ha) Əlima, sakit bybî! (Али мой, успокойся!) [7, с.88; 1; 24, с.17; 11, с.10] П.Ф. Рисс упоминает также и второй вариант данного аффикса: -aj [11, с.10]. -ə. (для отдельных слов) Мерд - Мердə! ([эй,] муженек [мой]!) Жен - Женə! ([эй,] женушка [моя]!) [1]
мн.ч.	-no / ino heval (друг) - hevalno (друзья) Zû bin, hevalno! (Друзья, поторопитесь!) Ehmedno, lêz kin! (Ахмеды, быстрее!)	-а Дуст (друг) - Ha дустона ([Эй,] друзья) Ha Əhmədona, boz njo! (Ахмеды, подойдите сюда!) (он - аффикс мн.числа)
Прим.	Окончание звательного падежа присоединяется преимущественно к кратким формам ИС.	Звательные формы образуются, главным образом, путем присоединения к именам аффикса -а с добавлением перед словом междометия ha, на которое приходится фразовое ударение. В случае если ИС имеет аффикс принадлежности, употребление междометия ha становится необязательным.

Таблица 3.

Формы мужских (а) и женских (б) имен собственных в курдском языке.

Прямой падеж (ПП)	Звательный падеж (ЗП)	Другие апеллятивные формы
а) Ali, 'Eli Mustafa Huseyîn Suleyman Hesen Elmed	'Elo Musto / Mistê / Miço Huso ²⁾ Silo Hesso* Ehmo / Hemo / Elmedo	'Eliyê min / 'Eloyê min ¹⁾ Mustoyê min / Miçoyê min Husoyê min Siloyê min Hessoyê min Hemoyê min / Elmedoyê min
б) Ayşe Fatma Rabia Zelal Bejna Gulistan	Ayşo / Ayşê Fatê Ribê Zelo / Zelê Bejnê Gulo / Gulê ²⁾	Ayşoya min / Ayşêya min Fatêya min Ribêya min Zeloya min / Zelêya min Bejnêya min Guloya min / Gulêya min
*Hasso(lar) (от Hasan) и Memo(lar) (от Me(h)met) — имена собственные в звательном падеже; впервые были употреблены политиком Дж.К. Инджедаи, использовавшим эти два апеллиатива для обозначения курдского народа [17, с.101]. В настоящее время употребляется как устойчивый оборот с негативной коннотацией. ¹⁾ изафетная конструкция: ИС и притяжательное местоимение min (мой). ²⁾ некоторые ИС имеют общую форму ЗП: Huso для <i>Huseyîn, Husamettin, Husnu</i>; İsmo для <i>İsmet, İsmail</i>; Gulo/Gulê для <i>Gul, Gulsum, Gulistan</i>; Pero/Perê для <i>Pervîn, Perîhan, Perîn</i>.		

20-го века проживало смешанное турецко-курдско-армянское население. В этом произведении мы встречаем примеры того, как имена собственные претерпевали следующие изменения: женское имя Hanîm стало Hîno, Nacer - Hîce, Arsaluys - Erso, Nîvart - Nîvo [21, с.57], мужское имя Nacadur - Naco. Хачо стало общим апеллятивом армян: "Сказать вместо армянина Хачо (Насо), а вместо армяне - Хачолар (Nacolar) считалось даже естественным" [21, с.104]. (Форма Nacolar: звательный падеж от имени Насо и окончание мн.числа [-lar] из турецкого языка.)

Формы звательного падежа курдского языка описаны в работах К.К. Курдоева (1978), Дж.А. Бадрхана, Р. Леско (2004), описание звательного падежа в талышском языке встречаются в работах П.Ф. Рисса (1855), Б.В. Миллера (1953), Л.А. Пирейко (1976), В. Шульце (2000).

В курдском языке апеллятивы в звательном падеже и изафетные конструкции имен собственных и притяжательного местоимения min (мой) обычно используются по отношению к детям, в кругу семьи и друзей, но не приняты по отношению к старшему родственнику и малознакомым собеседникам, т.к. являются признаком неуважительного тона, панибратства. Их использование допускается в слу-

чае, если такая форма обращения к конкретному человеку сложилась в обществе на протяжении долгого времени и является тем самым единственной формой обращения.

Талышский язык перенял помимо лексического и грамматического наследие от древнеиранского языка, который обладал развитой системой флексий: позже полностью элиминированной категорией рода и распавшейся системой склонения [3, с.46]. Б.В. Миллер и Дж. Дармистер указывали, что именно в лексике талышского языка сохранились следы древнего авестийского языка [23]. Кроме того, талышский интересен и эргативным падежом, описанным в работах Б.В. Миллера и Л.А. Пирейко.

Важно заметить, что в талышском языке наряду с притяжательными местоимениями, имеющими самостоятельное, отдельное употребление, существуют и их энклитические варианты – несамостоятельные формы, показали лица, которые присоединяются к основе слова [9]:

	1-е л.	2-е л.	3-е л.
ед.ч.	-(ы)м	-ы	-(ы)ш
-(ы)ш	-(ы)мон	-он	-(ы)шон

Таблица 4.

Формы мужских (а) и женских (б) имен собственных в талышском языке.

ПП	ЗП	Другие апеллятивные формы
а) Әли	Һа Әлиа/ Һа Әлиша/ Һа Әлишиа/ (Һа) Әлима/ (Һа) Әлишыма/	Әлим/ Әлиш ¹⁾ / Әлишым/ Әлиши
Зулфугар	Һа Зулфугара/ (Һа) Зулфугарыма/ Һа Зылфия/ (Һа) Зылфима	Зулфугарым/ Зылфи/ Зылфим
Сулейман	Һа Сулеймана/ (Һа) Сулейманыма/ Һа Сулиа/ (Һа) Сулима/ Һа Сулиша/ (Һа) Сулишыма/ Һа Сулишиа	Сулейманым/ Сули/ Сулим/ Сулиш ¹⁾ / Сулишым/ Сулиши
Играр	Һа Играра/ (Һа) Играрыма/ Һа Игна/ (Һа) Игима/ (Һа) Игилима/ Һа Игаша/ Һа Игашиа/ (Һа) Игашыма	Играрым/ Игн ²⁾ / Игим/ Игилш ²⁾ / Игаш/ Игашш/ Игашым
Фәхрәддин	Һа Фәхрәддина/ (Һа) Фәхрәддиныма/ Һа Фәхиа/ (Һа) Фәхима/ Һа Фәхиша/ (Һа) Фәхишыма/ Һа Фәхишиа/ Һа Фәхилеа/ (Һа) Фәхилема	Фәхрәддиным/ Фәхим/ Фәхиш ¹⁾ / Фәхишым/ Фәхиши/ Фәхиле ³⁾
б) Нәрмин	Һа Нәрмина / (Һа) Нәрминыма/ Һа Нәмиша/ Һа Нәмишиа/ (Һа) Нәмишыма	Нәрминым/ Нәмиш/ Нәмишым/ Нәмиши
Фатимә	Һа Фатимәа/ (Һа) Фатимәма/ Һа Фатиа/ (Һа) Фатима/ Һа Фатиша/ Һа Фатишиа/ (Һа) Фатишыма	Фатимәм/ Фати/ Фатим/ Фатиш ¹⁾ / Фатишиш/ Фатишым
Хатирә	Һа Хатирәа/ (Һа) Хатирәма/ Һа Хатиа/ (Һа) Хатима/ Һа Хатиша/ Һа Хатишиа/ (Һа) Хатишыма	Хатирәм/ Хати/ Хатим/ Хатиш ¹⁾ / Хатишиш/ Хатишым
Улкәр	Һа Улкәра/ (Һа) Улкәрыма/ Һа Улиа/ (Һа) Улима/ Һа Улиша/ Һа Улишиа/ (Һа) Улишыма	Улкәрым/ Ули/ Улим/ Улиш ¹⁾ / Улишиш/ Улишым
Лејла	Һа Лејлаа/ (Һа) Лејлама/ Һа Лејлоша/ Һа Лејлошиа/ (Һа) Лејлошыма	Лејлам/ Лејлош/ Лејлошым/ Лејлоши

1) зафиксированные нами только в северном диалекте талышского языка уменьшительно-ласкательные аффиксы -ш, -аш, -уш и -ош присоединяются к сокращенным формам ИС. К образованным этими аффиксами основам может присоединяться УЛА -и, аффикс принадлежности -ым, а также аффикс ЗП -а.

2) некоторые ИС имеют общую форму ЗП: например, Игн для Играр, Игбал, Идрах, Инглаб, Иньгар.

3) к ИС (чаще всего в сокращенной форме) могут присоединяться УЛА -ли, -ле, -лә (напр.: Мебиле (от Мекиббәт), Ризоли/Ризолә (от Ризо), Фикиле (от Фикрәт) и др.). Случаи употребления данных аффиксов для ИС становятся все более редкими, они сохраняются прежде всего для имен нарицательных. К образованным этими аффиксами основам может присоединяться аффикс принадлежности -и и аффикс ЗП -а.

4) апеллятивные формы с УЛА неприемлемы между незнакомыми людьми.

Исходя из всего вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

1. Заимствование аффикса звательного падежа –о в турецкий язык произошло из курдского языка в связи с длительным проживанием двух народов на единой территории.

2. Формы на –о практически не употребительны для турецких женских имен, ввиду их ассоциирования с более грубыми формами.

3. Появление в северном диалекте талышского языка уменьшительно-ласкательных форм на –ш, –аш, –уш и –ош для имен собственных, видимо, произошло под влиянием родственного турецкому азербайджанского языка (Носители талышского языка так его и называют – "тюркским языком" (талыш. *тырки*)), с которым соприкасается ареал его распространения. В южном и центральном диалектах они нами не зафиксированы. Апеллятивные формы на –s в турецком языке также обладают уменьшительно-ласкательным значением.

4. В турецком и талышском языках наблюдается полное подчинение новых форм грамматическим законам своих языков:

- ◆ принимают различные словообразовательные аффиксы (тур. –*ış*: Isos; тал. –*u*: Лейлоши, Сулиши).
- ◆ спрягаются (тур.: Isocugum; тал.: Фэхишым).
- ◆ склоняются (тур.: *Iso'ya bak!* (Посмотри на Iso!); тал.: *Китоби Нэмишику быстэн!* (Забери книгу у Намиш!)).

5. Общим свойством номинатива и вокатива является их способность к прямой номинации [13, с.83]. То же самое явление и произошло в исследуемых языках и что, в свою очередь, объясняет использование уменьшительно-ласкательных форм имен собственных в турецком и талышском языке в качестве апеллятивных.

6. В талышском языке наблюдаются черты агглютинативности – приемы агглютинативной техники [7, с.93]: к полной или краткой форме слова аффиксы падежей и местоименной энклитики присоединяются в строго фиксированной последовательности.

7. В курдском языке уменьшительно-ласкательные аффиксы к именам собственным не применяются. Для передачи близких, дружеских отношений используется изафетная конструкция с притяжательным местоимением 1-го лица ед.числа *min*. Дополнительным средством для образования конструкций с уменьшительно-ласкательным значением может, как и в талышском, выступать слово *can* (тал. *чон*) (душа, дорогой/ая).

8. В трех языках наблюдается сокращение основы слова имен собственных, используемых для апеллятивации. Это вполне объяснимо тем, что "такие длинные слова с практической точки зрения неудобны для обращения и громкого зова, и их избегают" [3, с.56]. При этом во всех трех языках сокращенные или уменьшительно-ласкательные формы имен собственных непозволительны к использованию между малознакомыми людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абосзода Ф.Ф. Грамматика талышского языка. Рукопись.
2. Бакаев Ч.Х. Курдско-русский словарь. – М.: Изд. АН СССР. Институт языкознания, 1957. – 619 с.
3. Иванов В.Б. К классификации именных форм в юго-западных иранских языках // Вопросы языкознания. – 2014. – №2. – С. 46–60
4. Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. 4: Этнография, история востоковедения, рецензии. – М.: Изд-во восточной литературы, 1968. – 611 с.
5. Курдоев К.К. Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. – М.: Наука, 1978. – 295 с.
6. Мамоян А.Д. Грамматические категории существительного и основы индоевропейского праязыка в курдском. – СПб.: Изд-во СПбУ, 2007. – 175 с.
7. Миллер Б.В. Талышский язык. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – 267 с.
8. Мсерианц Л. Этюды по армянской диалектологии. – М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1901. – 210 с.
9. Пирейко Л.А. Талышско-русский словарь. – М.: "Русский язык", 1976. – 352 с.
10. Реформатский А. А. О сопоставительном методе // Лингвистика и поэтика. – М.: 1987. – С. 40–52.
11. Рисс П.Ф. О талышцах, их образе жизни и языке // Записки Кавказского отдела Императорского Рус. географического общ.ва. – Кн. III. – 1855. – С. 1–72.
12. Сарыгёз О.В. Функционально-семантическая категория апеллятивности в турецком языке. // Российская тюркология. 2016 №1 (14) – С. 15–24.
13. Тираспольский Г.И. Морфолого-типологическая эволюция русского языка. – Сыктывкар, 2003. – 353 с.
14. Якобсон Р. Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
15. Asatrian G. Kurdish Lo-lo // Iran & the Caucasus. – Vol. 10. – No. 2. – P. 239–241.
16. Bedir Khan C.A., Lescot R. Kurtce Grameri (Kurmanci lehcesi). Institut kurde de Paris – Istanbul, EDITIONS Avesta, 2004. – 370 s.
17. Bıçakçı B. Aslantas A.S. Populer Siyasi Deyimler Sozlugu. Istanbul, İletişim yayın evi, 1995. – 287 s.
18. Ersoylu H. Turk Argosu. Ankara, Otuker yayın evi, 2012. – 382 s.
19. Haldun T. Sersem Kocanın Kurnaz Karısı. Istanbul, YK yayınları. 2015. – 118 s.
20. Lewis G.L. Turkish Grammar. Oxford University Press, 2001. – 303 p.
21. Margosyan M. Gavur Mahallesi. Istanbul, Aras yayıncılık, 2011. – 328 s.
22. Perret D. Les appellatifs (analyse lexical et actes de parole) // Langages. – 1970. – n.17. – P. 35–39.
23. Piriyeva I. Parlons Talysh: Azerbaidjan/Iran. Editions L'Harmattan, 2011. – 126 p.
24. Schulze W. Northern Talysh. Muenchen: LINCOM Europa, 2000. – 96 s.
25. Zengin D. Orta Ogretim ve Universitedeki Ogrencilerle Adlar Uzerine Bir Anket // Ankara Universitesi, Dil ve Tarih-Cografya Fakultesi Dergisi. –2001. –41., –S. 69–93.